В душном коридоре он сразу начал скучать по прохладе комнаты. Спустившись в лобби, он встретился взглядом с уже знакомыми оливково-зелёными глазами. Мужчина с зачесанными назад с помощью помады волосами производил бледное, холодное впечатление.

— Вы прибыли.

— Давно не виделись, Мартин. Вы рано.

Отказаться было бы бессмысленным жестом. Дэниел обратился к человеку, который фактически уже забирал у него багаж.

Это была обычная формальность, но Мартин ответил сухо, словно выдавал правильный ответ по заранее заданной формуле.

— Я был несколько занят.

— Правда? Вы приехали сюда ради меня, несмотря на занятость?

— Нет. Сопровождение вас, входит в мои обязанности.

Внутри машины было прохладно благодаря кондиционеру. Мартин, взглянув на Дэниела через зеркало заднего вида, уточнил, взял ли тот паспорт и не забыл ли чего-нибудь важного. Когда Дэниел покачал головой, седан мягко тронулся с места.

— Причина, по которой мой персонал и я были заняты, в том, что у директора внезапно изменился график из-за начала летнего отпуска. Сейчас почти всё уже улажено, так что всё в порядке.

— Разве сейчас не везде сезон отпусков?

— Верно, но директор впервые официально берёт летний отпуск.

Пальцы Дэниела, искавшие в телефоне правила въезда в Сингапур, остановились. Это совпадение странным образом зацепило его.

Подбирая ответ, Дэниел неловко пошутил:

— …Ради сотрудников начальству всё-таки стоит отдыхать. Оказывается, он был неплохим человеком.

— Старший брат директора однажды говорил то же самое, но теперь все к этому привыкли. Однако хорошо, что в этот раз он действительно отдыхает. Раньше даже в отпуске он работал из дома.

— Тогда и у вас, Мартин, получится отдохнуть.

— Да. Похоже, мой график будет относительно свободным.

Разговор получался на удивление комфортным, потому что этот человек отвечал честно на всё, что бы ему ни говорили.

Пока Дэниел поддерживал разговор, машина въехала на территорию аэропорта. Автомобиль, который обычно направился бы к пассажирскому терминалу, проехал через закрытую зону для персонала и продолжил движение ещё довольно долго.

Прямо впереди раскинулась взлётная полоса. Небо было чистым, без единого облака, и таким ярким, что без солнечных очков было невозможно смотреть.

Наверное, именно такой день и называют хорошим для путешествия.

У аэропортов есть странное волшебство. Это всего лишь огромные здания и место, где приходят и уходят воздушные суда, но кажется, будто в любой момент можно отправиться куда угодно, пересечь любые границы. Какая-то скрытая причудливость — словно Мэри Поппинс, прилетающая на зонтике, — даёт о себе знать.

Даже волнение здесь было иным. Это не то чувство, что возникает при ожидании старта гонки, когда гаснет красный свет. Это было невинное предвкушение, как у ребёнка, закрывающего глаза в ожидании завтрашнего дня.

— Дальше мы поедем на тягаче.

Дэниел молча последовал за Мартином.

Грузовик-тягач с багажом медленно пересекал широкую взлётную полосу, словно муравей. Запах авиационного топлива, более резкий и железистый, чем у бензина, бил в нос. Жар, поднимающийся от земли, тоже был невыносимым. Из разогретых двигателей самолёта вырывались волны горячего воздуха. Дэниел обеими руками крепко придерживал шляпу и солнечные очки, чтобы их не унесло ветром.

Перед самолётом, к которому они наконец добрались, стояла мобильная лестница, соединённая с посадочным трапом. Наверху находился человек, наблюдавший за приближением Дэниела.

Дэниел с оранжевой дорожной сумкой Boston на плече ступил на лестницу. Ступени были высокими, поэтому он схватился за перила и быстро поднялся широкими шагами.

Алек был одет как обычный турист, отправляющийся в отпуск: белое поло, застёгнутое до самого верха, и тёмно-синие брюки. Иначе говоря — наряд, полный самодовольства: зная, насколько он привлекателен, Алек без малейшего стеснения подчёркивал своё превосходство даже в простой одежде.

На переносице, настолько прямой, что её можно было бы различить даже с галёрки оперного театра, сидели светло-голубые очки, которые Дэниел ему подарил. Тёмно-русые волосы, прежде лишь слегка мерцавшие, теперь сияли ослепительно в ярком дневном свете. Он улыбнулся так, будто весна растапливает замёрзшую землю.

— Ты пришёл.

Лето началось.

Причина выбора Сингапура из множества стран была простой. Это было самое оживлённое место из тех, что предложил Алек. Кто-то, возможно, предпочёл бы отпуск на безымянном острове, где можно лениво смотреть на море, но для Дэниела это мало отличалось бы от того, чтобы остаться в Австралии.

Когда думаешь о Сингапуре, обычно вспоминаются роскошные ночные виды или отель Marina Bay Sands с кораблём на крыше. Но для Дэниела первым делом всплывала «ночная гонка».

Пусть и не в такой степени, как в Абу-Даби, где проводится финальный этап, город, полностью расцветший в туристическом плане, каждый раз после Гран-при взрывается фейерверками, расцвечивающими небо.

Было бы приятно спокойно отдохнуть после такой гонки, но реальность была иной: им пришлось спешно ехать в аэропорт из-за Гран-при Японии, который проводился всего через неделю. Поэтому он не мог сказать, что действительно хорошо знал эту страну. Сингапур для Дэниела ограничивался периодом Гран-при, и даже тогда — только ночами, когда прожекторы сияли как люстры.

Поэтому в тот момент, когда дверь самолёта открылась и перед ним развернулся яркий дневной Сингапур, казалось, будто его перенесли в совершенно другую страну. Сердце странно ускорилось от ощущения подъёма. Влажный воздух, характерный для Юго-Восточной Азии, смешивался с жаром двигателей и ложился на кожу.

Алек, взявший чемодан Дэниела, обернулся, словно проверяя, идёт ли он следом.

— Жарче, чем я думал. Ты в порядке?

— Всё нормально. И вообще, нельзя расслабляться только потому, что погода хорошая. Иногда она внезапно сменяется ливнем.

Сингапур при дневном свете был ярким, сияющим и незнакомым. Почти как этот человек.

Быстро пройдя паспортный контроль и покинув аэропорт, они увидели пальмы с длинными тёмно-зелёными листьями, растущие повсюду. Запах растений, насыщенных влагой. Ветер слегка касается щеки, будто принося чувство свободы.

Здания, поднимающиеся над широкой эстакадой, были прямыми, как свечи на торте. Рядом — гигантское колесо обозрения и отель, над которым будто парил корабль.

Когда они пересекли несколько мостов, соединяющих острова, и въехали на территорию отеля, Дэниел заметил странность. Дороги были настолько пустыми, что казались ненастоящими — особенно если вспомнить, как обычно всё задыхалось в пробках во время Гран-при.

Он слышал в новостях, что вокруг Сентозы и острова Бинтан, соединённых с материком, построили ещё несколько искусственных островов для курортов. Но как он ни всматривался, туристов не было видно вовсе.

Почему? Неужели снова что-то не так?

Он посмотрел на Алека.

— Я арендовал весь остров. Мы ведь здесь, чтобы отдыхать.

— И частного самолёта было недостаточно? У тебя что, вирус, при котором умирают, если рядом есть другие люди?

— Если ты встретишь фаната, ты ведь всё равно застрянешь на фотографиях, да? Я не могу просто стоять в стороне, сложа руки.

— Мне нечего сказать. Иногда… нет, довольно часто я не поспеваю за твоим масштабом.

— Добро пожаловать.

Это не было чем-то новым — его тихая склонность к излишней инициативе. Дэниел просто сдался и не стал спорить.

Отель был открыт со всех сторон, а стены в нём — низкими. Когда он вошёл в лобби, прохладный поток воздуха из большого потолочного кондиционера обрушился сверху, словно дождь. Рядом с креслами-шезлонгами стояли искусственные пальмы, которые покачивались, создавая атмосферу летнего ботанического сада.

В номере было так же. Просторный люкс, рассчитанный не на двоих, а как минимум на две семьи, был украшен подушками в форме листьев. За диваном находился отдельный балкон, ведущий к бассейну. Под широким навесом, установленным над искусственным водоёмом, стояли шезлонги, а рядом были подготовлены тропические соки и вино в ведёрке со льдом. Но было кое-что, что вызывало куда большее беспокойство.

— Алек. Ты ведь не серьёзно, да?

— О чём?

— Ты правда собираешься использовать одну кровать?

— Ну, как видишь.

Это была кровать размера king-size — настолько широкая, что на ней могли бы спокойно прыгать два или три человека, и всё равно оставалось бы место. Дэниел огляделся, словно кролик, ищущий путь к бегству, но Алек, оставив дорожную сумку-бостон в спальне, засунул руки в карманы и хитро улыбнулся.

— Отдай мою сумку. Я буду спать там.

— Иногда это нормально. Спать в одной кровати три недели подряд было бы тесновато, в конце концов.

— Ты собираешься всё лето так держаться рядом? Тебе не жарко?

— Нет.

— Отпусти. Не хватай меня за талию!

— У меня нет намерения делать что-то непристойное сразу по приезде, так что перестань обращаться со мной как с разбойником и иди переоденься.

Алек ухмыльнулся, будто хотел сказать: «Посмотрим, сколько ты ещё сможешь так держаться». Он бросил взгляд на смарт-часы — два тридцать дня. Время, когда вода уже должна была стать достаточно тёплой.

— Пойдём сначала посмотрим на море.

Эта фраза впервые за всё время действительно задела его за живое.

Бассейн был хорош, но ему хотелось увидеть море — такое же синее, как лазурные глаза этого человека. Казалось, будто медленные кучевые облака, похожие на улиток, ползут издалека и зовут Дэниела.

Прекратив бесполезный спор, Дэниел собрал вещи и меньше чем через полчаса вместе с

Алеком покинул отель. Причал был совсем рядом. Проходя мимо скамейки в тени, идеально подходящей для размышлений, он почувствовал, как лёгкие волны касаются его шлёпанцев.

Когда Дэниел вышел в лёгких хлопковых брюках и рубашке в вертикальную полоску, Алек, сказав, что это слишком просто, без лишних церемоний надел ему на голову коричневую шляпу с полями. И добавил:

— Тебе стоит привыкнуть носить что-то, кроме бейсболок. Жалко твоего лица.

— Я не знал, что ты настолько высокого мнения о моём лице, раз считаешь его… «жаль».

— Рад, что ты это понял. Я просто считаю, что куда ценнее твоя личная черта — характер. В нём есть редкая особенность.

Он настолько опешил, что даже не нашёлся с ответом. Кто он вообще такой, чтобы рассуждать о «редкости»?

«Жаль твоего лица»… Никто и никогда не говорил ему подобного прямо в лицо. И всё же, если задуматься, мысль о том, что этот человек считает его привлекательным, вызвала у него тихий смешок.

Алек был открыт — его лицо ничем не скрывали, — но фраза про «тебе бы самому носить шляпу» так и не сорвалась с языка… возможно, потому что его мягко колышущиеся тёмно-русые волосы действительно радовали глаз. Он притягивал взгляд, как закат. И было бы жаль прятать это под чем-то вроде шляпы.

Дэниел с запозданием пришёл к выводу, что и сам оценивает его внешность слишком высоко.

— Алек, береги своё лицо. Оно прикрывает восемьдесят процентов твоей ерунды.

— У тебя тоже освежающее лицо, и ты несёшь фантастическую чушь. Я же говорил — это редкость.

Яхта длиной в тридцать футов была достаточно большой для двоих. Она управлялась автопилотом, но проверка парусов и контроль курса оставались за Алеком. В целом он умел делать всё сам, и управление яхтой не было исключением.

В отличие от него, Дэниелу оставалось только держаться за поручень и смотреть, как яхта рассекает бледно-голубое море. Всё необходимое было на месте: маски для сноркелинга, доски для сёрфинга, наживка для рыбалки и даже фонари для ночного плавания — ничего не забыли.

— …!

— Что ты сказал?

— Ветер сильный! Держись крепче…!

Но самое главное было не это.

Брызги воды, разбиваемые сильными волнами, разлетались, как шампанское на празднике. На ветру шляпа Дэниела сорвалась и улетела далеко. Короткополая коричневая шляпа мгновенно исчезла в пене. Он застыл с растерянным лицом, но выражение Алека, который с недоверием смотрел на улетающую шляпу, было настолько непривычно милым, что он не удержался и рассмеялся. А на губах Алека, державшегося за канат и смотревшего на него, с запозданием

тоже появилась улыбка.

После этого сильные волны ещё несколько раз ударяли в борт лодки, но это уже не имело значения. Было просто прохладно и приятно. Теперь нечего было терять — ни одной шляпы. Всё, что оставалось, — идти прямо вперёд.

http://bllate.org/book/17841/1745071